

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕСОСЫРЬЕВЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ*

Галина Борисовна КОЗЫРЕВА

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск, Российская Федерация
kozrevakrc@gmail.com

История статьи:

Принята 02.03.2016
Одобрена 21.03.2016

УДК 338.439.223;330.341.2
JEL: P48, Q58

Ключевые слова:

лесосырьевые территории,
лесной кластер, институт
регулирования, институт
влияния, лесная рента

Аннотация

Предмет. Статья посвящена институциональным проблемам развития лесосырьевых территорий России на примере Республики Карелия.

Цели. Оценка состояния институтов, регулирующих функционирование лесного кластера и отношения, возникающие в данной институциональной системе; обоснование механизмов формирования эффективных моделей развития лесного хозяйства и лесной экономики России.

Методология. Использовались системный подход, основанный на институциональном анализе институциональной системы «лесное хозяйство – лесная экономика», дескриптивный анализ проблем, с которыми сталкиваются участники лесных отношений. Информационной базой послужили эмпирические данные качественных глубинных интервью представителей лесного бизнеса и жителей лесных поселков, а также результаты исследований российских и зарубежных научных школ.

Результаты. Осуществлен анализ базовых институциональных условий, сложившихся в лесном кластере России за прошедшие четверть века. Эволюция института собственности на лесные ресурсы за годы экономических реформ происходила в контексте борьбы между институтами регулирования и институтами влияния. На основе данных качественных глубинных интервью и теоретических источников сделан анализ дискуссии о приемлемой для России форме собственности на лес. Обоснованы направления развития лесного кластера на основе институционализации лесной ренты. Результаты исследования могут быть полезны при принятии управленческих решений в сфере лесного хозяйства и лесной экономики России.

Выводы. Основным двигателем развития лесного кластера России является лесная рента, которая распределяет группы интересов в системе лесопользования, права собственности на лес и финансовые потоки. Институционализация лесной ренты в разных модификациях может стать одним из ключевых факторов, определяющих новую расстановку групп интересов, связанных с собственностью на лес. При условии усиления роли институтов регулирования на фоне ослабления институтов влияния может произойти смена модели лесопользования в России, позволяющая преобразовать лесные ресурсы в источник развития экономики и общества.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

России принадлежит более 20% площади мировых лесов и 55% древесного запаса хвойных пород¹. Почему такой громадный природный потенциал не обеспечивает экономического роста и улучшения благосостояния народа? Почему среди отраслей российской экономики лесной сектор не стал одним из ее основных моторов? Видимо, прямой связи между количеством

природного ресурса и его значением для экономики и общества не существует².

Результаты многочисленных исследований проблем российской экономики свидетельствуют о том, что лесные ресурсы могут приобрести экономическую ценность только при наличии работающей системы институциональных условий, включающих наряду с формальными законами также социальные правила и соглашения. Без наличия соответствующего институционального порядка в лесном секторе любые технологические инновации и инвестиции будут напрасными [1, 2].

* Автор выражает глубокую признательность экспертам за детальное рассмотрение рукописи и ценные замечания.

Статья выполнена в рамках государственного задания Федерального агентства научных организаций «Роль человеческого капитала: новые экономические теории – современные вызовы» (№ 0224-2015-0003).

¹ Глобальная оценка лесных ресурсов 2010 года. Документ ФАО по лесному хозяйству. Основной отчет.
URL: <http://www.fao.org/docrep/014/i1757r/i1757r.pdf>

² Карлсон Л., Лундгрен Н.-Г., Ульсон М.-У. Если бы только деньги росли на деревьях – русский лесной сектор в переходный период. URL: <http://www.didaktekon.se/mats/pdf-files/RusChron.pdf>

Развитие лесосырьевых регионов России на примере Республики Карелия исследовалось в рамках научных проектов и прикладных разработок Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук в 2000–2016 гг. Многогранность проблем, с которыми сталкиваются лесосырьевые территории, связаны не только с экономическими, но и социальными последствиями происходящих институциональных процессов. Это определило методологию и инструментарий исследования. В работе используется системный подход, основанный на институциональном анализе лесного кластера России, под которым понимается совокупность институтов, регулирующих отношения в системе «лесное хозяйство – лесная экономика», и субъектов, участвующих в этих отношениях, включая власть (федеральную, региональную и местную), лесной бизнес и местные сообщества (работники лесных компаний и местное население).

На протяжении последних 25 лет лесосырьевые регионы России были включены в несколько масштабных институциональных процессов, связанных с политическими, экономическими и социальными реформами, определившими новые модели их развития. При этом сами регионы, выбирая свое направление, опираются на комбинацию внешних и внутренних ресурсов и участвуют в конструировании нового институционального пространства [3].

Во-первых, началась и продолжается институциональная реформа, охватившая все базовые системы российского общества – политическую, экономическую, социальную, культурную. Произошла либерализация всех видов деятельности, что привело к появлению новых рыночных институтов, в первую очередь таких, как частная собственность и предпринимательство [4].

Институциональные изменения сопровождаются усложнением организационно-правовой структуры лесного бизнеса – от самостоятельного предприятия, корпорации (вертикальной или горизонтальной) до бизнес-контор, не имеющих институциональной оформленности [5].

Во-вторых, с самого начала рыночных реформ в России идет перманентная реформа лесного хозяйства, в результате которой принципиально изменились институты лесопользования. На смену распределительной системе пришли институты аренды. Актуализируется вопрос о частной

собственности на лес. Кроме того, подверглась радикальной перестройке организационная структура лесного хозяйства, повлекшая за собой смену модели управления [6].

В-третьих, в мировом сообществе активизировались и стали динамично развиваться глобализационные и интеграционные процессы по формированию новых моделей социально-экономического развития территорий национального, регионального и локального уровней, в которые включилась и Россия [7]. И здесь следует выделить два взаимосвязанных процесса.

Первый интеграционный процесс связан с «Повесткой дня на XXI век», принятой Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (3–14 июня 1992 г.)³. В мировом лесном хозяйстве после Рио-де-Жанейро сложились новые институциональные форматы, которые диктуют новые правила для государств и бизнеса, ориентируя их на соблюдение принципов устойчивости при реализации государственных и бизнес-стратегий [8]. Под действием новых мировых вызовов новые институты проникают в практики российского лесного бизнеса и местные сообщества, в результате чего те и другие подвергаются социальным изменениям. То есть происходит диффузия глобальных институтов в практику управления, хозяйствования и жизнедеятельности территорий [9, 10].

Второй процесс обусловлен формированием и развитием новых ассоциированных межгосударственных структур, основанных на торгово-экономическом сотрудничестве. Речь идет о Всемирной торговой организации, куда в 2012 г. вступила Россия. Аналитики считают, что среди различных отраслей экономики именно предприятия лесного сектора наиболее подвержены негативным последствиям от этого вступления [11].

В настоящее время в контексте обозначенных институциональных трансформаций российские лесосырьевые регионы, имеющие различный природный, человеческий и социальный капитал, являются своего рода пилотными площадками для апробации институциональных моделей развития лесного хозяйства, отличающимися выбранными

³ Повестка дня на XXI век.

URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml

стратегиями и использованным арсеналом инструментов и ресурсов. При этом в ситуации институциональной неопределенности не существует 100%-ной гарантии при выборе той или иной стратегии получить на выходе желаемый социально-экономический эффект. В регионах с похожими ресурсами могут сложиться диаметрально противоположные ситуации – от благополучной до депрессивной.

Чтобы провести анализ этих моделей, необходимо более детально рассмотреть базовые институциональные условия, сложившиеся в лесном кластере за прошедшие четверть века [3].

Расширение границ системы «лесное хозяйство» и включение ее в систему «лесной кластер» позволяют выявлять латентные связи, отражающие непрозрачность данной институциональной системы, что создает основу для оппортунизма и коррупции и порождает высокий политический риск для всех участников отношений. Одновременно такой подход дает возможность обозначить и позитивные процессы, определяющие предпосылки для формирования перспективных моделей развития лесосырьевых территорий. Этому есть объяснения как объективного, так и субъективного характера.

С позиций институциональной экономики эффективная институциональная система – это такая система, которая сохраняет равновесие. В свою очередь институциональное равновесие – эта такая ситуация, которая означает, что при данных относительных издержках и выигрышах в игре, которую ведут участники контрактных отношений, им невыгодно менять ее правила [12]. Результаты исследований свидетельствуют о том, что в настоящее время правила игры не устраивают участников экономических отношений в лесном хозяйстве⁴.

В западном обществе институциональный порядок в лесном секторе означает следующее:

- структура прав собственности установлена и прозрачна;

⁴ Проект РФФИ «Организация и проведение экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия» (№ 03-06-88036), руководитель Г.Б. Козырева, 2003 г.; проект РФФИ «Проблемы формирования института собственности в условиях переходной экономики» (№ 06-06-80413), руководитель Г.Б. Козырева, 2007 г.; проект ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0418 – опрос предприятий (N = 70).

- институциональные правила легитимны и одинаковы для всех участников отношений;
- принятие решений в выборе правил действий является децентрализованным;
- частные инвесторы имеют возможность обеспечить возврат своих инвестиций;
- установлены правила, предохраняющие природные ресурсы от истощения;
- принимаются меры против нарушителей правил⁵.

История доказала, что если отобранный на когнитивном уровне набор стратегий и практик управления лесами устраивал все группы интересов, такая модель работала на благосостояние общества [13]. В обществах, к которым относится и Россия, где институциональное равновесие не установлено, эти модели и практики навязываются со стороны наиболее сильной, рентоориентированной группы, ущемляя интересы большинства. Именно такие институциональные отношения наиболее распространены в социально-экономических системах, имеющих адаптивные модели институционального развития, когда институты распределяют полномочия ситуативно.

В таких условиях формируются неинституционализированные отношения собственности.

В настоящее время в России вопрос собственности на лес звучит следующим образом: кто является истинным хозяином леса? Очевидно, что он выходит в плоскость вопроса о власти. И это соответствует российской институциональной матрице, включающей модель «власть – собственность» [14].

В настоящее время собственность в лесном кластере России представляет собой слабо формализованную систему отношений, обладающую высокой степенью латентности. Сюда входят не только права владения на лесные ресурсы, которые принадлежат государству (институты регулирования, закрепленные в лесном законодательстве), но и рычаги воздействия со стороны ключевых игроков на остальных участников лесных отношений и ситуацию на

⁵ Карлсон Л., Лундгрен Н.-Г., Ульсон М.-У. Если бы только деньги росли на деревьях – русский лесной сектор в переходный период. URL: <http://www.didaktekon.se/mats/pdf-files/RusChron.pdf>

лесосырьевых территориях (неформальные институты – институты влияния).

Практический интерес представляют управление эволюцией институтов и прогноз (моделирование) их влияния на поведение экономических субъектов (а шире – на экономику в целом). Эволюция института собственности на лесные ресурсы в России за годы экономических реформ происходила в контексте борьбы между институтами регулирования и институтами влияния. При этом последние практически всегда доминировали, существенным образом ограничивая функциональные возможности формальных институтов и определяя расстановку сил и групп интересов, связанных с получением институциональной ренты. Там, где государство не защищает и не специфицирует права собственности, эту функцию начинают выполнять экономические агенты в целях поиска ренты – получение ее связано с использованием перераспределительной функции государства [15].

Рассмотрим, как происходила эволюция института собственности на лес на примере Республики Карелия. На начальном этапе рыночных реформ институты регулирования практически бездействовали. До 1993 г. в системе лесопользования формально действовало советское лесное законодательство, которое концептуально противоречило рыночной идеологии, а функционально не работало. Распределение лесных ресурсов осуществлялось на лимитной основе. Данные противоречия обусловили высокую неопределенность во взаимодействиях между субъектами, участвующими в системе лесопользования, по поводу их правомочий в отношении лесных ресурсов. Ни у федеральной, ни у региональной властей не оказалось законных рычагов влияния на процесс лесопользования, в результате чего была обеспечена доступность к лесным ресурсам множества некомпетентных и недобросовестных агентов [3].

Но на фоне слабости регулирующих институтов под давлением групп лобби происходили процессы формирования институтов влияния. В Республике Карелия ситуация складывалась таким образом, что директора градообразующих предприятий, так называемые лесные генералы, в одночасье получили неограниченную власть практически над всеми ресурсами территории (лесными, трудовыми, финансовыми, коммуникационными). В ситуации высокой неопределенности будущего и в условиях отсутствия защиты прав контрактов

в лесном кластере они стали носителями институтов влияния или специальных групп интересов. Лесные генералы строили производственную деятельность на основе семейно-родственных отношений, имеющих в значительной степени теневой или криминальный характер.

К концу 1990-х гг. в рамках вновь принятого лесного законодательства (Лесной кодекс Российской Федерации 1997 г.) региональная власть стала восстанавливать рычаги влияния на лесной бизнес через лесные ресурсы. Началось внедрение арендных отношений, лесные ресурсы стали распределяться на конкурсной основе. Эти меры привели к перераспределению прав собственности на лес, по сути, институтов влияния от директоров предприятий к региональным и муниципальным чиновникам, которые также в свою очередь монополизировали собственность на лесные ресурсы. Формально этот процесс проходил в рамках закона, а фактически ренту начали получать представители власти без учета интересов большинства представителей регионального сообщества. Манипулируя лесными конкурсами, распределением прав аренды леса, требованиями к оплате аренды, чиновники действовали по тому же семейно-клановому принципу.

Новый разворот в структуре собственности на лес произошел с вводом нового Лесного кодекса Российской Федерации в 2007 г. Характерной особенностью этого этапа является формирование новых групп влияния в лесном кластере, связанное со сращиванием интереса региональной власти и межрегионального бизнеса при усилении роли крупного капитала. Закон дает преференции крупному бизнесу, так как основной формой распределения лесосырьевой базы являются аукционные торги. Средний и малый бизнес в таких условиях становится неконкурентоспособным. Региональные власти заинтересованы в привлечении крупных инвесторов на территорию республики. Именно они делают основной выбор потенциальных собственников леса и лоббируют их победу, получая при этом свою долю институциональной ренты.

По мнению экспертов, Лесной кодекс Российской Федерации 2007 г. носит скорее рамочный характер, нуждается в серьезном совершенствовании – уточнениях, дополнении другими нормативными актами. В законе нарушен основной методологический подход к лесфонду

как к неделимому природному комплексу, то есть зафиксировано разграничение понятий древостоя и лесных земель. При этом смешиваются механизмы лесного, земельного и гражданского права. Все эти несостыковки создают условия для поиска ренты. Кроме того, в Лесной кодекс Российской Федерации заложен латентный механизм внедрения частной формы собственности на лесные ресурсы.

Результаты исследования лесосырьевых территорий Карелии показывают, что у населения за прошедшие 24 года произошло отторжение идеи частной собственности на лес, что может быть объяснено ее дискредитацией в обществе. Сегодня, когда убыточность лесных компаний снова стала приобретать масштабный характер, среди жителей лесных поселков зреют определенные опасения о судьбе не только предприятий, но и лесов, которые являются одним из главных источников жизнеобеспечения. Наиболее остро воспринимаются людьми новые правительственные инициативы, связанные с приватизацией лесов [3]. Эти процессы представляются как фактор риска, связанный с возможным необоснованным захватом бизнесом лесных массивов, являющихся традиционными местами отдыха (рыбалка, сбор грибов и ягод и пр.). И это несмотря на решение Конституционного Суда РФ, который на основании принципа ст. 9 Конституции Российской Федерации сделал заключение, что лесной фонд России представляет собой публичное достояние многонационального народа России и как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим.

Вместе с тем, исследуя ситуацию, связанную с собственностью на природные ресурсы в России, в частности с собственностью на лес, нужно понимать, что социальные представления по данному вопросу опираются на широкий диапазон оценок и стимулов со стороны не только участников лесных отношений, но и в целом населения страны. Социальная реальность значительно сложнее, чем ее отражение в когнитивных моделях разных социальных групп. У сторонников государственной собственности на лес данная модель ассоциируется с сохранением всех гарантий для общества. При этом люди не учитывают того, что чиновник при решении вопросов, связанных с лесом, действует в первую очередь в собственных, а не в общественных интересах, то есть, благодаря административному ресурсу, создает на своем рабочем месте условия

режима частной собственности. Проще говоря, действует не как представитель государства (слуга народа), а как предприниматель, который стремится к максимизации прибыли любым способом [16].

Вместе с тем у сторонников частной собственности свое представление, а зачастую и интерес к этой модели. И этот интерес также основывается не на реальной экономической и социальной эффективности, а на тех же перспективах получения институциональной ренты. Отсюда вытекают вполне закономерные противоречия, связанные с эффективным собственником в сфере лесного хозяйства и лесной экономики. Частная собственность на лес неэффективна из-за социальной незрелости и оппортунизма крупного бизнеса, государственная – из-за оппортунизма и безответственности чиновника. Вопрос об оптимальной модели остается открытым.

Академик РАН Д.С. Львов считал, что разговор о частной собственности на природные ресурсы (землю, лес, недра) не является принципиальным: «Важна не сама по себе форма собственности. Важно, чтобы весь спектр прав собственности, включая и право частного владения землей, получил характер свободного рыночного оборота. Можно подобрать такую процедуру, которая, по существу, стирает формальные различия между ними, например, между частной собственностью и бессрочной арендой земли. То есть различия между частной и иными формами пользования в значительной степени носят не содержательный, а популистский характер. Они, в частности, вуалируют главную и определяющую причину истинных различий в формах собственности: присвоение рентного дохода, который не является результатом вклада ни одного из факторов производства, кроме природных ресурсов» [17].

В настоящее время продолжают процессы, связанные с закреплением зависимости работников предприятий, жителей поселков и малых городов от политики главного собственника. Новая лесная власть при этом не несет никакой социальной ответственности. У людей отбирается не только право на работу, но и право на жилище, которое на сегодня пришло в негодность, а ремонт или приобретение нового для них практически невозможны. Крупный бизнес не заинтересован вкладывать инвестиции в социальную сферу. У него практически нет обязательств (ни социальных, ни моральных) перед местными сообществами. Особенно остро

эти вопросы стоят в депрессивных регионах, к которым относится Республика Карелия [3].

В результате региональный лесной кластер, включающий помимо лесной экономики и лесное хозяйство, и работников предприятий, и так называемые лесные поселки, и условия существования этих поселков [18], не только не развивается, а фактически деградирует. Здесь не случайно делается акцент именно на кластере, и говорится, что сегодняшние реальные, а не номинальные собственники леса в новых заданных институциональных форматах приобретают еще больше собственности, а следовательно, и власти без ответственности над территорией своего присутствия, что чревато дальнейшей социально-экономической деградацией этих территорий и местных сообществ. Институты влияния в лесном кластере продолжают доминировать и создавать многочисленные институциональные ловушки, препятствуя продвижению социальных, экономических и технологических инноваций.

Такая постановка проблемы актуализирует поиск новых институтов, способных создавать условия для выхода из этих ловушек. Одним из направлений, способствующих развитию эффективных моделей лесопользования, является институционализация лесной ренты. Проблема природно-ресурсной ренты, как показано в трудах академика Д.С. Львова, является одной из ключевых общероссийских народнохозяйственных проблем. Именно она более всего отражает специфику лесосырьевых регионов. На правильном решении этой проблемы может базироваться концепция ресурсной трансформации, то есть целенаправленного и эффективного превращения природных ресурсов в ресурсы производственные, финансовые и социальные [19–21].

По мнению профессора И.Р. Шегельмана, необходим переход с затратной системы образования лесных платежей на рентную. За годы рыночных преобразований плата за лес на корню оставалась на таком низком уровне, что ренту, присваиваемую лесопромышленниками, стало уже привычным считать частью предпринимательской прибыли, а не частью лесного дохода. Это обстоятельство является привлекательным фактором для стремления новых фирм в лесной сектор экономики, которые нацелены на поиск и получение ренты в виде сверхприбыли. Именно такие предприятия и должны стать основой, обеспечивающей лесной доход государства [22].

Лесная рента, по существу, является основным двигателем институционального развития лесного кластера. Именно лесная рента распределяет группы интересов в системе лесопользования, она же распределяет права собственности на лес и финансовые потоки. Парадокс заключается в том, что данный распределительный механизм не имеет легитимной основы, институты влияния доминируют над институтами регулирования. Поэтому недобросовестный чиновник присваивает себе право на распределение лесного дохода и ведет себя как предприниматель. От этого исходят все проблемы и неудачи бесконечного реформирования лесного хозяйства и лесной экономики.

Технически изъятие лесной ренты во многих странах решается через механизм, контролирующий финансовые потоки в лесном секторе, объединяющем всех партнеров по сквозной технологической цепочке. В Канаде, например, созданные организационные звенья объединяют представителей государственных органов управления лесами, самих лесопользователей, а также финансовые и налоговые службы [23, 24]. Применительно к российской ситуации вопрос состоит не в том, чтобы обосновать полное изъятие лесной ренты у лесозаготавливающих предприятий, а в том, чтобы контролировать процесс ее распределения и перераспределения, при необходимости внося в него коррективы. При этом система контроля должна иметь институциональную легитимную основу.

Существуют и другие опосредованные механизмы перераспределения лесной ренты, которые успешно работают как в международной, так и российской практике. Один из таких механизмов заложен в институт лесной сертификации, нацеленный на устойчивое использование лесных ресурсов. С точки зрения экономической теории, идеи устойчивости, или как они более точно звучат в английской версии – сбалансированности, уравновешенности – имеют общие корни с принципами оптимизации или парето-улучшения, которые были предложены в начале прошлого века итальянским экономистом В.Ф. Парето. По Парето, изменения в распределении факторов производства могут считаться оптимальными, если выбранная альтернатива оценивается как наилучшая из всех всеми участниками. Вместе с тем парето-оптимизация предполагает неизбежность исходного распределения ресурсов и экономических возможностей [25].

Принцип парето-оптимизации дополняется принципом обязательной компенсации Калдора – Хикса (сформулирован в 1938–1939 гг.), согласно которому переход от одного состояния экономики к другому представляет собой улучшение общества, если те индивиды, которые получили повышение благосостояния, компенсируют потери, понесенные другими; при этом должен сохраниться общий уровень благосостояния, по крайней мере равный исходному [26].

Компенсационная идеология латентно заложена в институт лесной сертификации, которую можно рассматривать как адаптацию принципа обязательной компенсации Колдора-Хикса применительно к системе лесопользования. Социальная ответственность бизнеса, как основной принцип лесной сертификации, нацелена на возвращение обществу доли ренты от

использования природных ресурсов через социальную политику в местах его функционирования. В данном случае местное население получает натуральную компенсацию от бизнеса (предоставление рабочих мест, дополнительных социальных услуг, прав на переобучение и пр.).

Таким образом, институционализация лесной ренты в разных модификациях может стать одним из ключевых факторов, определяющих новую расстановку групп интересов, связанных с собственностью на лес. При условии усиления роли институтов регулирования на фоне ослабления институтов влияния может произойти смена модели лесопользования в России, позволяющая преобразовать лесные ресурсы в источник развития экономики и общества.

Список литературы

1. *Обливин А.Н.* Основные положения национальной лесной политики России // Лесное хозяйство. 2002. № 1. С. 7–11.
2. *Писаренко А.И., Страхов В.В.* Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению. М.: Юриспруденция, 2004. 552 с.
3. *Козырева Г.Б.* Проблемы собственности на лесные ресурсы России // Общество и экономика. 2006. № 2. С. 167–189.
4. *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.
5. *Страхов В.В., Писаренко А.И., Борисов В.А.* Глобализация лесного хозяйства. М.: ВНИИЦлесресурс, 2001. 400 с.
6. *Шутов И.В.* О фундаменте экономической организации лесного хозяйства // Лесное хозяйство. 1996. № 3. С. 25–36.
7. Россия в глобализирующемся мире: политико-экономические очерки / отв. ред. Д.С. Львов. М.: Наука, 2004. 740 с.
8. *Косов Ю.В.* Генезис концепции «устойчивого развития» // Экология и образование. 2002. № 1. С. 39–45.
9. *Шубин В.А., Страхов В.В.* Всемирная лесная конвенция и Лесной кодекс России // Экос. 1997. № 10. С. 5–15.
10. *Петров А.П.* Экологическая сертификация систем ведения лесного хозяйства и лесопользования // Лесное хозяйство. 1995. № 6. С. 9–20.
11. *Исполинов А.С.* Вопросы прямого применения права ВТО в правовом порядке России // Законодательство. 2014. № 2. С. 68–79.
12. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 16–28.
13. *Петров В.Н., Ильин В.А., Гавриленко В.И. и др.* Экономико-правовые отношения в управлении лесами и лесохозяйственном производстве. СПб.: ЛТА, 2003. 200 с.

14. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История. 2014. 468 с.
15. Политическая экономия России: динамика общественного договора в 2000-х годах. Избранные труды Института национального проекта «Общественный договор» 2000–2009 / сост. А.А. Аузан, А.В. Золотов, А.А. Ставинская, В.Л. Тамбовцев. М.: Институт национального проекта «Общественный договор», 2010. 720 с.
16. *Сухарев М.В.* Социальные антиинституты // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. С. 63–73. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204956/ecsoc_t5_n5.pdf#page=63.
17. *Львов Д.С.* Вернуть народу ренту. М.: Эксмо, 2004. 256 с.
18. *Морозова Т.В., Сухарев М.В. и др.* Регион как социально-экономическая система. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010. 308 с.
19. *Титова Г.Д.* Теория ренты на службе национальной безопасности // Природные ресурсы – национальное богатство России. М.: РУДН, 1999. С. 153–165.
20. *Данилов-Данильян В.И.* Природная рента и управление использованием природных ресурсов // Экономика и математические методы. 2004. № 3. С. 3–16.
21. *Моисеев Н.А.* Лесные отношения и рентные платежи // Природные ресурсы в системе государственных финансов России. М.: РАСХН, 2000. С. 94–97.
22. *Шегельман И.Р., Пономарев Ю.И.* Региональная стратегия развития лесопромышленного комплекса. Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. 156 с.
23. Canadian Forest Policy: Adapting to Change / ed. by M. Howlett. University of Toronto Press Incorporated, 2001. 446 p.
24. *Грей Дж.А.* Канадский опыт организации лесных концессий // Устойчивое лесопользование. 2004. № 1. С. 28–35.
25. *Pareto V.* Manual of Political Economy. New York: August M. Kelley, 1971. 470 p.
26. *Хикс Д.Р.* Четыре излишка потребителя // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 190–207.

INSTITUTIONAL PROBLEMS OF FOREST AREAS OF RUSSIAN REGIONS

Galina B. KOZYREVA

Institute of Economics of Karelian Research Center of RAS, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation
kozyrevakrc@gmail.com

Article history:

Received 2 March 2016

Accepted 21 March 2016

JEL classification: P48, Q58

Keywords: forest, cluster, regulatory institution, net return from forest land, timber rent

Abstract

Subject The article considers problems related to the institutional development of forest areas of Russia using a case of the Republic of Karelia.

Objectives The aim is to assess the condition of institutions regulating the forest cluster functioning and relations arising in the institutional system; to provide a rationale for mechanisms to create efficient models of forestry development in Russia.

Methods The study employs a systems approach based on the institutional and functional analysis of the 'forestry – forest economics' institutional system, a descriptive analysis of problems faced by forestry relations participants. The empirical data of qualitative in-depth interviews of forest business representatives with forest village residents, the findings of Russian and foreign scholars served as the information base of the paper.

Results I reviewed the basic institutional conditions prevailing in the forest cluster of Russia over recent 25 years. Based on the in-depth interviews, I analyzed discussions about form of ownership of the forest acceptable for Russia, and justified the areas of the forest cluster development through institutionalization of net return from forest land. The findings may be useful for management decisions in the forestry and forest economics of Russia.

Conclusions Subject to enhancing the role of regulatory institutions and weakening that of institutions influencing the sector, it is possible to change the model of woodland management in Russia and convert forests into a source of economic and social development.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

Acknowledgments

I extend my deep appreciation to all experts involved in detailed examination of the manuscript for their valuable comments.

The article was prepared within the State job of the Federal Agency for Scientific Organizations *The Role of Human Capital: A New Economic Theories – Present-day Challenges*, project No. 0224-2015-0003.

References

1. Oblivin A.N. [Key points of the national forest policy of Russia]. *Lesnoe khozyaistvo = Forestry*, 2002, no. 1, pp. 7–11. (In Russ.)
2. Pisarenko A.I., Strakhov V.V. *Lesnoe khozyaistvo Rossii: ot pol'zovaniya – k upravleniyu* [Forestry of Russia: from use to management]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2004, 552 p.
3. Kozyreva G.B. [Problems of ownership of forest resources of Russia]. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*, 2006, no. 2, pp. 167–189. (In Russ.)
4. Polterovich V.M. *Elementy teorii reform* [Elements of the theory of reforms]. Moscow, Ekonomika Publ., 2007, 447 p.
5. Strakhov V.V., Pisarenko A.I., Borisov V.A. *Globalizatsiya lesnogo khozyaistva* [Forestry globalization]. Moscow, Russian National Research and Information Centre for Forest Resources Publ., 2001, 400 p.
6. Shutov I.V. [On the foundation of the economic organization of forestry]. *Lesnoe khozyaistvo = Forestry*, 1996, no. 3, pp. 25–36. (In Russ.)
7. *Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: politiko-ekonomicheskie ocherki* [Russia in the globalizing world: political and economic essays]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 740 p.
8. Kosov Yu.V. [The genesis of the concept of 'sustainable development']. *Ekologiya i obrazovanie = Ecology and Education*, 2002, no. 1, pp. 39–45. (In Russ.)

9. Shubin V.A., Strakhov V.V. [Global forest convention and the Russian Forest Code]. *Ekos = Ecos*, 1997, no. 10, pp. 5–15. (In Russ.)
10. Petrov A.P. [Environmental certification of forest management systems and forest exploitation]. *Lesnoe khozyaistvo = Forestry*, 1995, no. 6, pp. 9–20. (In Russ.)
11. Ispolinov A.S. [Issues of direct applicability of the WTO law to the public order of Russia]. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2014, no. 2, pp. 68–79. (In Russ.)
12. North D. [Institutional changes: the scope of the analysis]. *Voprosy Ekonomiki*, 1997, no. 3, pp. 16–28. (In Russ.)
13. Petrov V.N., Il'in V.A., Gavrilenko V.I. et al. *Ekonomiko-pravovye otnosheniya v upravlenii lesami i lesokhozyaistvennom proizvodstve* [Economic and legal relations in the management of forests and forestry production]. St. Petersburg, SPbSFTU Publ., 2003, 200 p.
14. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional matrices and Russia's development: introduction to the X-Y-theory]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, 468 p.
15. *Politicheskaya ekonomiya Rossii: dinamika obshchestvennogo dogovora v 2000-kh godakh. Izbrannyye trudy Instituta natsional'nogo proekta Obshchestvennyi dogovor 2000–2009* [Political Economy of Russia: changes in the social contract in the 2000s. Selecta of the Institute of the 'Social Contract' National Project]. Moscow, Institut natsional'nogo proekta Obshchestvennyi dogovor Publ., 2010, 720 p.
16. Sukharev M.V. [Social anti-institutions]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2004, iss. 5, no. 5, pp. 63–73. (In Russ.) Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204956/ecsoc_t5_n5.pdf#page=63.
17. L'vov D.S. *Vernut' narodu rentu* [Return the rent to people]. Moscow, Eksmo Publ., 2004, 256 p.
18. Morozova T.V., Sukharev M.V. et al. *Region kak sotsial'no-ekonomicheskaya sistema* [Region as a socio-economic system]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2010, 308 p.
19. Titova G.D. *Teoriya renty na sluzhbe natsional'noi bezopasnosti. V kn.: Prirodnye resursy – natsional'noe bogatstvo Rossii* [The rent theory in the service of national security. In: Natural resources as the national wealth of Russia]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 1999, pp. 153–165.
20. Danilov-Danil'yan V.I. [Natural resource rent and natural resource management]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods*, 2004, no. 3, pp. 3–16. (In Russ.)
21. Moiseev N.A. *Lesnye otnosheniya i rentnye platezhi. V kn.: Prirodnye resursy v sisteme gosudarstvennykh finansov Rossii* [Forest relations and rent payments. In: Natural resources in the system of public finance of Russia]. Moscow, Russian Academy of Agricultural Sciences Publ., 2000, pp. 94–97.
22. Shegel'man I.R., Ponomarev Yu.I. *Regional'naya strategiya razvitiya lesopromyshlennogo kompleksa* [Regional development strategy of the timber industry]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2004, 156 p.
23. Canadian Forest Policy: Adapting to Change. Ed. by M. Howlett. Toronto, University of Toronto Press, 2001, 446 p.
24. Gray J.A. [Forest concessions: Canadian experience]. *Ustoichivoe lesopol'zovanie = Sustainable Forestry*, 2004, no. 1, pp. 28–35. (In Russ.)
25. Pareto V. *Manual of Political Economy*. New York, August M. Kelley, 1971, 470 p.
26. Hicks J.R. *Chetyre izlishka potrebitelya. V kn.: Vekhi ekonomicheskoi mysli* [The Four Consumer's Surpluses]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 1999, pp. 190–207.